

Michał Fiedosiuk
Uniwersytet Moskiewski

***ЕХАТЬ В ВАРШАВУ ИЛИ JECHAĆ DO WARSZAWY?*
(О ПРИЧИНАХ НЕСОВПАДЕНИЯ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ
В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ)¹**

***Ekhat' v Varshavu or Jechać do Warszawy?*
(The Reasons for the Discrepancy Between Forms of Governance
in Russian and Polish)**

ABSTRACT: The article shows that cases of discrepancy between forms of governance in Russian and Polish can be explained by the contradiction between the infinite variety of non-linguistic situations and a finite number of linguistic signs, intended to describe them. Because of this contradiction many situations give grounds for several various verbal interpretations, while Russian and Polish grammars fix as normative different interpretations. So, in description of the situation “Pyotr’s hands were shaking” Pyotr can potentially be designated either as a place of the described event or as a recipient of this event. Grammar of Russian chooses the first interpretation (U Petra drozhali ruki, literally At Pyotr hands were shaking), while grammar of Polish prefers the second one (Ręce Piotrowi się trzęsły, literally Hands were shaking to Pyotr).

KEYWORDS: forms of governance, Russian, Polish, non-linguistic situations, verbal interpretation

Цель данной статьи – попытаться объяснить причины, по которым формы синтаксического управления в русском и польском (как, впрочем, и в других славянских) языках во многих случаях не совпадают. Вот только несколько примеров подобных расхождений:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-04-00145 «Имплицитное содержание единиц русской речи: Системное описание»).

Русский язык*Я благодарю вас* (В. п.)*Я еду в Варшаву* (В. п.)*Я жду поезда* (Р. п.)*Все смеялись над ним* (Т. п.)**Język polski***Dziękuję panu* (Д. п.)*Jadę do Warszawy* (Р. п.)*Czekam na pociąg* (В. п.)*Wszyscy śmiali się z niego* (Р. п.)

Эти и аналогичные им примеры хорошо известны, неоднократно были описаны² и в рамках традиционного, так называемого описательного, направления в языкознании, не нуждаются в каком-либо новом рассмотрении. Однако уместно вспомнить, что еще в 1870 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ указывал на ограниченность «описательного, крайне эмпирического» направления в языкознании, которое ставит «себе задачей собирать и обобщать факты чисто внешним образом, не вдаваясь в объяснение их причин и не связывая их между собою на основании их сродства и генетической зависимости»³. Ученый (которому, между прочим, в то время было только 25 лет) отдавал предпочтение иному – «истинно научному» направлению, цель которого, как он писал, состоит: «1) в объяснении явлений соответственным их сопоставлением и 2) в отыскивании сил и законов, т. е. тех основных категорий или понятий, которые связывают явления и представляют их как непрерывную цепь причин и следствий»⁴.

Следуя традиции, заложенной младограмматиками⁵, Бодуэн именовал только что упомянутое направление историческим, однако, с нашей точки зрения, гораздо точнее было бы назвать его объяснительным. И хотя сам ученый возражал против такого обозначения, мотивируя это тем, что «объяснение явлений составляет сущность стремлений всех наук, и поэтому оно не может считаться исключительным свойством одной или некоторых из них»⁶, название «объяснительная лингвистика» представляется нам достаточно информативным и вполне уместным. Дело в том, что только в наши дни, т. е. спустя без малого полтора века после появления упомянутых высказываний Бодуэна, лингвистика накопила достаточное количество знаний, чтобы перейти от описательного подхода к языку к объяснительному освещению его устройства.

² См., например: V. Koseska-Toszewa, *Gramatyka konfrontatywna polsko-rosyjska. Składnia*, Warszawa 1993.

³ И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Некоторые общие замечания о языковедении и языке. Вступительная лекция по кафедре сравнительной грамматики, читанная 17/29 декабря 1870 г. в С-Петербургском университете*, [в:] И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Избранные труды по общему языкознанию*, Том 1, Москва 1963, с. 53.

⁴ Там же, с. 55.

⁵ См. Г. Пауль, *Принципы истории языка*, Москва 1960.

⁶ И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Некоторые...*, с. 56.

Впрочем, важнейшее теоретическое положение, без которого, на наш взгляд, не может существовать современная объяснительная лингвистика, было высказано еще В. фон Гумбольдтом. Осознавая, что бесчисленное количество самых разных образов, способных возникнуть в сознании человека, совершенно несоизмеримо с большим, но при этом все же ограниченным числом языковых знаков, ученый утверждал, что язык не эквивалентен мышлению, а является лишь средством намека на передаваемое в процессе общения мыслительное содержание. «Люди, – утверждал Гумбольдт, – понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова»⁷. В другом месте трудов Гумбольдта та же мысль выражена им более образно, афористично и в то же время парадоксально: «Никто, – писал Гумбольдт, – не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах – вместе и расхождение»⁸.

Детализируя намеченное Гумбольдтом противопоставление неконкретизированного содержания языкового знака, жестко закрепленное за ним в системе языка, и тех разнообразных мыслительных содержаний, которые оказываются переданными этим знаком при каждом из его употреблений в речи, А.А. Потебня указывал на необходимость различать ближайшее (или формальное) и дальнейшее значение слова. Как писал Потебня,

под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем б л и ж а й ш и м, другую, составляющую предмет других наук, – д а л ь н е й ш и м з н а ч е н и е м с л о в а. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова⁹.

⁷ В. фон Гумбольдт, *О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества*, [в:] В. фон Гумбольдт, *Избранные труды по языкознанию*, Москва 1984, с. 165–166.

⁸ Там же, с. 81.

⁹ А.А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, [в:] В.А. Звегинцев, *История языкознания в очерках и извлечениях*, Часть I, Москва 1964, с. 146.

И далее:

Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением¹⁰, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга. В говорящем и слушающем чувственные восприятия различны в силу различия органов чувств, ограничиваемого лишь родовым сходством между людьми. (...) Другими словами, ближайшее значение слова *n a p o d н o*, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, *л и ч н o*¹¹.

Предложенному Потембней противопоставлению ближайших и дальнейших значений языковых единиц в концепции Г. Пауля соответствует оппозиция-узуальных иokkaзиональных значений¹², в работах В.В. Виноградова и его последователей – разграничение значений и употреблений слова¹³, а в современной лингвистике – противопоставление значений и смыслов¹⁴. «Значение *X-a*, – пишет И.М. Кобозева, – это информация, связываемая с *X-ом* конвенционально, т. е. согласно общепринятым правилам использования *X-a* в качестве средства передачи информации. *Смысл X-a для Y-a в T* – это информация, связываемая с *X-ом* в сознании *Y-a* в период времени *T*, когда *Y* производит или воспринимает *X* в качестве средства передачи информации»¹⁵.

Противопоставление языковых значений и речевых смыслов дает возможность легко объяснить то явление, которое С.О. Карцевский именовал асимметричным дуализмом лингвистического знака и о котором он писал так: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток. Но так же невозможно представить себе язык, знаки которого были бы подвижны до такой степени, что они ничего бы не значили за пределами конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно. Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благо-

¹⁰ Напомним, что представлением А.А. Потембня вслед за Г. Штейнталем именовал внутреннюю форму слова, т. е., например, смысловой компонент ‘предмет, связанный с расположением под окном’, передаваемый морфемным составом слова *подоконник*.

¹¹ Там же, с. 147.

¹² Г. Пауль, *Принципы...*, с. 93–94.

¹³ В.В. Виноградов, *Основные типы лексических значений слова*, [в:] В.В. Виноградов, *Избранные труды, Лексикология и лексикография*, Москва 1977.

¹⁴ Н.И. Жинкин, *Речь как проводник информации*, Москва, 1982; И.М. Кобозева, *Лингвистическая семантика*, Москва 2000.

¹⁵ И.М. Кобозева, *Лингвистическая...*, с. 13.

даря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе»¹⁶.

Механизм, при помощи которого в речи происходит переход от значения языкового знака к его смыслу, получил достаточно полное и убедительное описание в рамках теории актуализации Ш. Балли, который писал:

Для того чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать. Актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально; оно выражает представление какого-нибудь рода (вещь, процесс или качество). Действительности же роды не ведомы: в ней есть только индивидуальные сущности¹⁷.

Логично предположить, что противопоставление языковых значений и актуализированных речевых смыслов важно для понимания устройства плана содержания не только лексических, но и грамматических единиц¹⁸. Достаточно трудно представить себе ситуацию, в которой получатель, столкнувшись в воспринимаемом им тексте с какой-нибудь грамматической формой, стал бы определять передаваемое ею содержание путем последовательного мысленного перебора всех тех многочисленных значений этой формы, которые обычно перечисляются в грамматиках. В этом случае, для того чтобы определить, например, содержание формы родительного падежа какого-либо существительного, такому получателю пришлось бы проверять, не выражает ли оно: 1) «Комплекс значений, указывающих на предмет, по отношению к которому выражается отстранение, удаление, отчуждение, выделение другого предмета или отделительное положение другого предмета (...)»; 2) «Значение отделительной (отложительной) части целого (...)»; 3) «Значение отрицаемого объекта или субъекта действия (...)»; 4) «Значение предмета желания, требования, ожидания, локального достижения» или какое-либо иное из тех 14 значений родительного падежа, которые перечислены в *Справочнике по русской грамматике*¹⁹ или в каком-либо ином справочнике.

Гораздо естественнее допустить, что форма родительного падежа вызовет в сознании получателя представление о некоем одном инвариантном языковом значении этого падежа, а лексическое значение данного слова и тот контекст,

¹⁶ С. Карцевский, *Об асимметричном дуализме лингвистического знака*, [в:] В.А. Звегинцев, *История языкознания в очерках и извлечениях*, Часть II, Москва 1965, с. 85.

¹⁷ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва 2001, с. 87.

¹⁸ М.Ю. Федосюк, *Синтаксические значения и синтаксические смыслы*, «Вестник Московского университета», Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. № 4.

¹⁹ М.А. Шелякин, *Справочник по русской грамматике*, Москва 1993, с. 62–63.

в котором оно употреблено, дадут этому получателю возможность определить, какой именно грамматический смысл рассматриваемая словоформа в данном случае выражает.

Опираясь на идеи, высказанные Г.П. Мельниковым²⁰, а также на развитие этих идей его учениками и А.Ф. Дрёмовым²¹ и С.А. Лутиным²², охарактеризуем языковые значения вначале русских приглагольных беспредложных падежей, затем сочетаний приглагольных падежей с предлогами, а после этого русских присубстантивных падежей.

Грамматическое значение беспредложного приглагольного винительного падежа – это значение прямого объекта, т. е. такого предмета или события, на который направлено действие, охватывающее его непосредственно и целиком (ср. *построить дом, получить деньги, узнать новости, трогать землю, выпить воду*).

Родительный падеж тоже выражает значение объекта, однако не прямого, а, если можно так выразиться, потенциального. Этот падеж указывает на такой объект, который не охвачен действием целиком, поскольку данное действие направлено не на взаимодействие со всем этим объектом, а либо на отсутствие или избежание контактов с ним (*не построить дома, лишиться денег*), либо на ожидание или установление такого контакта (*ждать новостей, коснуться земли*), либо на взаимодействие только с частью объекта (*выпить воды, добавить соли*).

Значение дательного падежа – это значение адресата, т. е. того лица, в связи с интересами которого производится данное действие (*дать книгу сестре, спеть ребенку колыбельную*).

Творительный падеж обозначает инструмент, т. е. тот предмет, при помощи которого осуществляется действие (*резать ножом, вышивать шелком*).

Приглагольные формы существительных с предлогами во всех падежах отличаются от беспредложных форм тем, что обозначают предметы, участвующие в действии не непосредственно, а опосредованно, причем конкретный характер такого опосредованного участия определяется семантикой предлога. Сравним: *смотреть спектакль* (подразумевается, что спектакль воспринимается субъектом) – *смотреть на сцену* (воспринимает ли

²⁰ Г.П. Мельников, *Природа падежных значений и классификация падежей*, [в:] *Исследования в области грамматики и типологии языков*, Москва 1980; Г. П. Мельников, *В чем состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено* «Политическая лингвистика», 2012, № 2 (40).

²¹ А.Ф. Дрёмов, *Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного*, «Мир русского слова», 2001, №№ 1, 2, 3.

²² С.А. Лутин, *Русский генитив в функционально-семантическом аспекте*, Москва 2007.

смотрящий то, что происходит на сцене, неизвестно); *ждать поезда* (поезд является объектом ожидания) – *отстать от поезда* (поезд не принимает непосредственного участия в действии); *кинуть мяч сестре* (ожидается, что сестра поймает мяч) – *кинуть мяч к сестре* (никаких действий сестры с мячом не предполагается); *писать карандашом* (карандаш участвует в действиях) – *работать с карандашом* (карандаш присутствует при работе, но совсем необязательно используется).

Особо следует сказать о предложном падеже, который, как известно, без предлогов не употребляется. Формы предложного падежа существительных используются для обозначения не участников действия, а либо обстоятельств со значением места (*висеть на стене, находиться в доме*), времени (*родиться в июне, вставать на заре*) или образа действия (*сидеть в молчании, уснуть в слезах*), либо объектов речи, мысли или чувства (*говорить о погоде, размышлять о будущем, волноваться о сыне*).

Переходя к рассмотрению существительных, управляемых не глаголами, а другими существительными, следует отметить, что подобные словоформы, как правило, двузначны. С одной стороны, они находятся с управляющими ими существительными в определительных отношениях, а с другой стороны, выражают те же самые отношения, что и соответствующие падежные и предложно-падежные формы, управляемые глаголами. Так, имеющий форму винительного падежа зависимый компонент в словосочетании *поездка за город*, с одной стороны, отвечает на вопрос *какая?*, а с другой стороны, так же, как и в словосочетании *ехать за город*, – на вопрос *куда?*; зависимый компонент в словосочетании *дорога в лес* является ответом на вопросы *какая?* и одновременно *куда?*; зависимый компонент в словосочетании *рассказы про животных* одновременно отвечает на вопросы *какие?* и *про кого?*

Вместе с тем в этом ряду имеется важное исключение. Его представляют формы приименного беспредложного родительного падежа, которые, в отличие от других падежных форм, совсем не обязательно реализуют закрепленное за приглагольным родительным падежом значение потенциального объекта и широко употребляются для выражения чисто определительных отношений, например: *крыша дома, книга сестры, дым костра, распоряжение директора*²³.

²³ Подробнее см.: М.Ю. Федосюк, „Кто девушку ужинает, тот ее и танцует”, или Изменения в русском глагольном и именном управлении: тенденции или ошибки?, [в:] *Język rosyjski współczesnej Rosji*, Warszawa 2010; М.Ю. Федосюк, *Синтаксис современного русского языка*, Москва 2012.

Все сказанное позволяет нам перейти к ответу на вопрос о причинах несовпадения форм управления в русском и польском языках, поставленный в начале этой статьи. Как видим, перечень языковых значений синтаксически зависимых словоформ сравнительно невелик. Однако при описании любой ситуации отправитель имеет в своем распоряжении только этот перечень. В нем он должен найти такую синтаксическую интерпретацию, которая наилучшим образом позволит ему намекнуть на тот речевой смысл, который должен быть воспринят адресатом. Однако реализация этой задачи связана с одной серьезной проблемой, которая состоит в том, что многие ситуации дают основания не для одной, а для нескольких разных языковых интерпретаций и в то же время грамматическая система любого языка, как правило, разрешает далеко не все потенциально возможные интерпретации.

Сказанное удобно проиллюстрировать следующим примером из одного старого анекдота: *Кто девушку ужинает, тот ее и танцует*. В анекдоте эту вполне понятную, однако совершенно некорректную с точки зрения русской грамматики фразу произнес некий посетитель ресторана, когда кто-то из других посетителей попытался пригласить его молодую спутницу на танец. Как видим, здесь говорящий совсем не без смысловых оснований интерпретировал девушку как прямой объект действий, обозначаемых глаголами *ужинать* и *танцевать*, что позволило ему употребить слова *девушка* и *она* в винительном падеже. Однако русская грамматика в данном случае требует обозначения девушки не как объекта, а как лица, участвующего в действии совместно с его субъектом и, следовательно, построения предложения с формами творительного падежа: *Кто с девушкой ужинает, тот с ней и танцует*.

Конфликтом между теоретической возможностью нескольких разных вариантов осмысления той роли, которую играет в какой-либо ситуации некоторый предмет, и жесткими ограничениями, которые накладывает на выбор вариантов грамматическая система, легко объяснить то, почему очень многие близкие по своим значениям русские глаголы требуют от управляемых ими существительных неодинаковых падежных форм.

Иллюстрируя сказанное, зададимся вопросом: в каких отношениях находятся, например, институт и действия по управлению этим институтом? Очевидно, что с одинаково вескими основаниями можно утверждать и то, что институт является прямым объектом, на который направлены действия его руководителей, и то, что он представляет собой инструмент, с помощью которого эти руководители работают. Система русского языка допускает обе эти интерпретации, однако каждая из них жестко закреплена за разными глаголами. Именно потому по-русски принято говорить *возглавлять институт* (В. п.), но *руководить* или *управлять институтом* (Т. п.).

А что представляет собой подарок по отношению к тем положительным эмоциям, которые он вызывает? Можно считать, что он является адресатом, на который направлены эти эмоции, и такая интерпретация закреплена за словосочетанием *радоваться подарку* (Д. п.), а можно метафорически изображать подарок как инструмент, которым оперируют эмоции, и подобное восприятие отражено в словосочетании *восхищаться подарком* (Т. п.).

Если согласиться с этими соображениями, то станет очевидным, что причинами частых несоответствий форм управления в русском и польском языках являются несовпадения тех синтаксических интерпретаций одних и тех же ситуаций, которые закреплены в грамматических системах каждого из этих языков.

Проиллюстрируем сказанное сопоставлением синонимичных русских и польских предложений, в которых используются разные падежные и предложно-падежные формы.

(1) Русск. *Я жду поезда* (Р. п.). – польск. *Czekam na pociąg* (В. п.).

Как видим, грамматическая система русского языка использует в данной конструкции родительный падеж, поскольку интерпретирует поезд как потенциальный объект, т. е. как объект, который еще не появился в сфере обозначаемого действия. В свою очередь, польская грамматическая система употребляет при описании той же ситуации форму винительного падежа с предлогом, вполне резонно используя другой вариант интерпретации. Поезд получает в польском языке метафорическую квалификацию как объект, на поверхность которого направлено действие ожидающего (ср. *Patrzę na pociąg*).

(2) Русск. *У него* (Р. п.) *дрожали руки*. – *Rece mu* (Д. п.) *się trzęsły*.

Использование в русском предложении формы родительного падежа с предлогом у можно объяснить тем, что носитель состояния «Руки дрожали» интерпретируется в нем как место описываемого события (ср. *У лукоморья дуб зеленый*). В польском же предложении употреблена форма дательного падежа, поскольку носитель состояния представлен в нем в нем как адресат, в связи с интересами которого совершается некоторое действие (ср. *Lekarz wyleczył mi rękę*).

(3) Русск. *Благодарю вас* (В. п.) *за помощь* – польск. *Dziękuję pani* (Д. п.) *za pomoc*.

Как видим, прибегая к форме винительного падежа существительного, русский язык интерпретирует благодаримого как прямой объект акта благодарности, тогда как в польском языке используется форма дательного падежа, свидетельствующая о том, что благодаримый описывается не как объект, а как адресат благодарности.

(4) Русск. *Я голосую за Иванова* (В. п.) – польск. *Głosuję na Iwanowa* (В. п.).

Несовпадение предлогов в синонимичных русском и польском предложениях можно объяснить тем, русский язык интерпретирует человека, за которого голосуют, как цель действия (ср. *Я борюсь за справедливость*), а польский – как объект, на поверхность которого направлено действие (ср. *Patrzę na Iwanowa*).

(5) Русск. *Я еду в Варшаву* (В. п.) – польск. *Jadę do Warszawy* (Р. п.)

Используя конструкцию *в* + В. п., русский язык обозначает пункт назначения как его внутреннее пространство (ср. *Я живу в Варшаве*), в польском же языке, где используется конструкция *do* + Р. п., этот пункт интерпретируется лишь как внешние границы объекта (ср. *Inflacja spadła do dziesięciu procent*).

(6) Русск. *Это здание принадлежит университету* (Д. п.) – польск. *Ten budynek należy do Uniwersytetu* (Р. п.).

Используя дательный падеж, русский язык интерпретирует обладателя чего-либо как адресата владения, а польский, где употребляется конструкция *Do* + Р. п., – как объект, к внешним границам которого направлено действие.

(7) Русск. – *Итак, – обратился к Маргарите* (Д. п.) *Воланд* <...> – польск. – *Tak więc – Woland zwrócił się do Małgorzaty* (Р. п.) <...>

Использование в русском языке конструкции *к* + Д. п. можно объяснить тем, что объект обращения интерпретируется в нем как такой, в направлении которого производится действие (ср. *Плыть к берегу*); польский же язык прибегает к конструкции *do* + Р. п., интерпретируя этот объект как такой, к внешним границам которого направлено действие.

(8) Русск. *Ребенок болен гриппом* (Т. п.) – польск. *Dziecko jest chore na grupę* (В. п.).

Творительный падеж, в который ставится существительное, именуемое болезнью, свидетельствует о том, что русский язык интерпретирует болезнь как инструмент болезненного состояния (ср. *Мальчик пишет мелом*); польский язык использует в аналогичных случаях конструкцию *na* + В. п., интерпретируя болезнь как объект, на поверхность которого направлено действие (ср. *Patrzę na dziecko*).

(9) Русск. *Муж издевался над словами* (Т. п.) *жены* – Польск *Mąż sztydził z słów* (Р. п.) *żony*

Используемая в русском предложении конструкция *над* + Т. п. свидетельствует о том, что русский язык метафорически интерпретирует объект насмешки как такой, который расположен ниже субъекта действия (ср. *Дом стоит над озером*); в польском языке в аналогичных случаях использу-

ется конструкция *z + Р. п.*, свидетельствующая о том, что объект насмешки описывается в нем как отправная точка действия (ср. *Wiatr wieł z gó r*).

(10) Русск. *Июль я проведу на море* (П. п.) – *Lipiec spędzę nad morzem* (Т. п.).

Используя при названиях водных объектов, конструкцию *na + П. п.*, русский язык интерпретирует подобные названия как обозначения не только самих этих объектов, но и мест, расположенных рядом с ними, а пребывание в районе таких объектов – как расположение на поверхности этих мест (ср. *Я лежу на диване*); в польском языке в аналогичных случаях используется конструкция *nad + Т. п.*, и это свидетельствует, что нахождение в районе водных объектов описывается польским языком как расположение выше этих объектов (ср. *Nad biurkiem wisiał kalendarz*).

Как представляется, все сказанное выше дает основания для следующих выводов:

1. Нередкое несовпадение форм управления в русском и польском языках может быть объяснено тем, что в грамматических системах этих языков часто бывают закреплены как нормативные разные синтаксические интерпретации одних и тех же неязыковых ситуаций.
2. Более детальный сопоставительный анализ форм управления в русском и польском языках, возможно, позволит выявить некоторые общие закономерности в синтаксических интерпретациях неязыковых ситуаций, характерные для русского и польского языков, а также причины их возникновения²⁴. В качестве некоторого предварительного наблюдения над такими закономерностями можно упомянуть тот, очевидно, нуждающийся в объяснении факт, что польский язык гораздо более часто и регулярно, чем русский, использует при описании самых разных ситуаций предложные конструкции *Na + В. п.* и *Do + Р. п.*
3. Носителям каждого из славянских языков, как правило, хорошо понятны те содержательные основания, которые лежат в основе форм управления, принятых в их неродном языке, поэтому расхождения в формах управления обычно не вызывают затруднений на уровне рецепции иноязычной славянской речи. В то же время подобные расхождения являются обычным источником ошибок, допускаемых при продукции речи, поскольку говорящие могут подменять нормативные формы управления неродного языка формами, принятыми в их родном языке.

²⁴ Ср.: М.Ю. Федосюк, *Взаимосвязь языка и культуры в преподавании русского языка как иностранного*, «Studia Rossica Posnaniensia», Zeszyt XXXIX, Poznań 2014.